

◆ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ◆

**Читайте исторические
любовные романы Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:**

Нечаянная свадьба

Тайная жена

Страстная-опасная

Любовный водевиль

Сестры-соперницы

Северная роза

Гадание на любовь

Виновница страстей

Свет мой ясный

Крепостная графиня

Роковая вдова

Пленник богини любви

Дуэль на брачном ложе

Две невесты

Любовь как смерть

Лукавый взор

Заморская отравка

На краю любви

Поцелуй фортуны

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ПОЦЕЛУЙ
ФОРТУНЫ

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Ранее роман издавался под названиями
«Бог войны и любви» и «Роковая дама трепф»

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Н. Каптыкиной*

В коллаже на обложке и внутреннем оформлении
использованы иллюстрации:

© Lislа, Olga Korneeva / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Поцелуй фортуны / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-04-184469-1

1812 год. Ангелина Корф вернулась из Смольного института в поместье деда и ведет беззаботную жизнь провинциальной барышни, не помышляя о замужестве. Но роковая встреча на берегу Волги с сероглазым гусаром Никитой Аргамаковым меняет все, заполняя ее жизнь страстью и счастьем.

Война с Наполеоном повергает Ангелину в пучину страданий. Девушка переживает страшные потрясения, становится жертвой изощренных интриг, затеянных вражескими лазутчиками, и попадает вместе с отступающими французскими войсками в Париж. Рядом с ней, беременной и несчастной, всегда оказывается какой-нибудь мужчина, готовый оказать покровительство золото-волосой русской красавице, но Ангелина не может забыть отца своей дочери — того самого дерзкого гусара...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-184469-1

Кто, кроме сердца,
даст любви закон?..

С. Глинка

Часть первая

ДОРОГА СТРАДАНИЙ

Глава 1

ЦЕНА УЖИНА В СОСНОВОЙ РОЩЕ

• • • *М*инуло более месяца. На дворе стоял октябрь, и угрожающий призрак бесконечной русской зимы уже не таился за низкими серыми тучами, а сделался явью. Утренники были на редкость холодные; несколько раз выпадал снег, который уже и не таял, однообразным белым покрывалом сровняв и ухабы, и берега неширокой речонки; укрыл туши околевших лошадей, и замерзшие трупы, и проселочную дорогу, по которой медленно тянулась длинная колонна; и сторонний наблюдатель мог бы подумать, что сошел с ума или оказался на дороге в чистилище, ибо путники эти напоминали призраков всех времен, народов и сословий — призраков, воображимых лишь отягощенным тяжким бредом разумом. Рядом с шелковыми кокетливыми шубами, отороченными

дорогими русскими мехами (причем в шубы облачены были отнюдь не женщины, а мужчины), брели пехотные шинели или кавалерийские плащи. Головы путников были плотно укутаны и обмотаны платками всех цветов — оставалась лишь щелочка для глаз. Тут и там мелькало самое распространенное одеяние: шерстяная попона с отверстием посередине для головы, ниспадавшая складками к ногам. И как прежде по блестящему, щегольскому мундиру, так теперь — по этим попонам можно было отличить кавалеристов, ибо каждый из них, теряя лошадь, сохранял попону; эти лохмотья были изорваны, перепачканы, прожжены — одним словом, омерзительны. И все же тот, у кого попоны не было, не задумываясь отдал бы место в раю, лишь бы заполучить ее сейчас, на земле: теплая одежда стала едва ли не главным мерилом ценностей в том людском скопище, что еще недавно называлось великой и непобедимой французской армией. Теперь уже в этой армии не сохранилось ни достоинств, ни наград, ни чинов, ни званий. Невозможно было различить генералов и офицеров; как и солдаты, они надели на себя что под руку попадалось. Зачастую генерал был покрыт ветхим одеялом, а солдат — некогда дорогими, а теперь изрядно облезлыми мехами. Их всех — командиров и рядовых — перемолола Россия.

Вялое продвижение тех, кто составлял некогда гордость Франции, было внезапно нарушено взрывом, разметавшим по белому снегу кровавые клочья.

Толпа заметалась. Пешие кинулись врассыпную. Всадники во весь опор понеслись к близлежащей сосновой роще, надеясь там найти спасение от ядер и картечи, ибо это был не случайный взрыв, а беспощадный обстрел.

Молодой драгун, давно растерявший и остатки былого блеска, и все свои честолюбивые мечты, но сумевший сберечь коня, а вместе с ним — и надежду на спасение, сейчас изо всех сил пытался усмирить обезумевшее от страха животное. Гнедой плясал под ним, крутился как угорелый, норовя не вынести с опасного места, а, словно нарочно, затащить туда, где кучно ложились ядра. Едва справившись с конем, драгун дал ему шпоры, силясь разглядеть просветы в окружавшем его облаке дыма и снежной пыли, и вдруг почувствовал, как кто-то вцепился в его ногу мертвой хваткой.

Оливье де ла Фонтейн (так звали молодого драгуна) уже готов был освободить себя ударом сабли от этого опасного объятия, как вдруг увидел молодого человека, одетого в лохмотья, жалкие даже по сравнению с тем тряпьем, кое составляло теперь армейское обмундирование. Волочась на коленях за всадником и устремив на него свои горящие глаза, он восклицал: — Убейте меня, убейте меня, ради Бога!

В этом аду, где каждый молил хотя бы о самом ничтожном глотке жизни, такая просьба буквально вышибала из седла, а потому Оливье де ла Фонтейн спешился и, держа коня за удила (немало нашлось бы сейчас желающих перерезать узду и увести у него коня из самых рук), нагнулся к незнакомцу. Тот дышал и был полумертв. Даже у видавшего виды Оливье подкатила к горлу тошнота, когда он увидел бок несчастного, взрезанный, будто острой косой, осколком ядра до самого позвоночника... Позвоночник тоже был искалечен, и даже если свершилось бы чудо, исцелившее разорванные внутренности, этот человек больше никогда не смог бы ходить. Уже сейчас его страдания представлялись невообразимыми. Да, смерть наступит его, несомненно, однако предстоящие ему мучения будут ужасны!

Оливье де ла Фонтейн проклял себя за то, что поддался мгновенному порыву жалости. Внутренне содрогаясь при мысли о том, что ждало этого беднягу, он вновь вскочил на коня, лихо, с напускной отчужденностью, пробормотав:

— Я не могу помочь вам, мой храбрый товарищ, и не могу больше оставаться здесь! Простите меня.

— Но вы можете убить меня! — исторг из себя раненый не то крик, не то шепот. — Единственная милость, которой я прошу от вас! Ради Бога, ради вашей матери! Ради... моей матери!

Он сделал слабое движение головой, и Оливье только сейчас увидел двух женщин, стоявших на коленях в снегу и с мольбой простиравших руки к нему, будто к последней надежде. Точнее говоря, простирала руки одна — немолодая, схожая с умирающим тем сходством, какое бывает только у матери и сына. Ее глаза, столь же яркие, столь же выразительные, были наполнены слезами, которые неостановимо скатывались на увядшие щеки. Ее руки, протянутые к Оливье, дрожали, а губы безостановочно твердили одно:

— О сударь! Сударь...

Вторая женщина сидела в снегу, понурясь, однако не плакала, словно окаменела от скорби. Из-под ее капора выбивались золотисто-рыжие пряди, и Оливье невольно подобрался в седле, когда по нему скользнули самые прекрасные синие глаза, какие ему только доводилось видеть. Впрочем, молодая женщина едва ли заметила Оливье — она устремила безучастный взор куда-то вдаль, туда, где корчился придавленный деревом солдат, испускавший душераздирающие вопли. Но лицо ее по-прежнему оставалось безучастным, как если бы в мире не осталось ничего более, что могло бы ее взволновать или напугать.

Мысленно попросив прощения у Бога, Оливье выхватил один из своих пистолетов (он всегда держал оружие заряженным, ибо казаки Платова¹ не имели обыкновения предупреждать о своем появлении заранее) и рукоятку вперед подал его несчастному.

Немолодая женщина дико вскрикнула:

— Фабьен! О Фабьен!..

Больше она ничего не успела сказать, ибо черные глаза юноши сверкнули дикой радостью, и он пустил себе пулю в висок с проворством поистине замечательным у человека штатского, каким он, несомненно, являлся, судя по одежде и повадкам.

В это мгновение ядро ударило в землю совсем рядом, и конь Оливье, сделав безумный прыжок, унес своего хозяина на изрядное расстояние от страшного места.

Оливье не хотел оборачиваться, но все-таки обернулся.

Несчастный лежал навзничь, тут же простерлась его мать. Оба были присыпаны снегом и вывороченной землей, как будто похоронены рядом. А молодая женщина все так же сидела в сугробе, безучастно глядя вдаль, в этот заснеженный российский простор, в котором теряется все: и города, и люди, и русские, и французы, и смерть, и жизнь...

«Как поется в песне, все со временем проходит!» — успел еще подумать Оливье де ла Фонтейн, и всернового взрыва милосердно закрыл от него эту картину.

¹ Граф Матвей Иванович Платов — атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 года. Здесь и далее примечания автора.

* * *

Маман отчаянно рыдала, уткнувшись в мертвое тело, а Анжель по-прежнему смотрела вдаль. Боже мой, вот и нет Фабьена... а как же его любовь, которая, как он клялся, будет жить вечно? Ах, и она умерла давно, давно: замерзла где-нибудь под копной, где они ночевали, или в крестьянской курной избе, или в сарае. Анжель не любила мужа, и сейчас вместо скорби она чувствовала облегчение, как будто судьба сняла с нее ношу, которая была ей не по плечу. Умом она понимала, что вечно должна быть благодарна мужу и его маман, спасшим ее от толпы разъяренных русских; и вообще Фабьен был хороший, добрый человек, но Анжель понимала, что для любви-власти он оказался слаб, что эта любовь уничтожила в нем все доброе и светлое, превратила его в тирана, всякое движение, всякое действие которого было направлено к одному: утвердить над Анжель свою волю — словами, постелью, даже побоями. Фабьен не выносил, когда она вдруг погружалась в свою отрешенную задумчивость, и, если надо было отхлестать жену по щекам, чтобы привести ее в себя, он пускал в ход руки без раздумий — с молчаливого благословения маман, чьи черные глаза сияли еще ярче, когда она видела страдания Анжель.

Но почему, за что? Иногда Анжель думала, что, наверное, чем-то крепко досадила этим двоим — иначе с чего бы им так сладострастно мстить ей? Может быть, она долго мучила Фабьена отказами, прежде чем согласилась выйти за него, или противоречила свекрови, или, сохрани Бог, изменяла мужу? Она иногда, не выдержав издевок и побоев, спрашивала в слезах:

— Почему? Почему?

Но Фабьен не отвечал, хотя мог бы сказать что угодно — Анжель все приняла бы на веру: ведь все ее

знания о прошлом исчерпывались рассказами Фабьена и его маман. Сама она помнила себя лишь месяц... ну, от силы полтора поскольку все, происходившее с ней от рождения до того дня, как она обнаружила себя устало бредущей в глухой степи под туманным октябрьским небосклоном, кануло в некую черную бездну. Анжель иногда казалось, что она и живет-то на земле всего-то несколько недель, а не двадцать один год, как уверяли муж и его маман.

Судя по рассказам обоих д'Армонти, они были французы, некогда нашедшие в России приют от ужасов революции¹, но не утратившие связи с родиной и всегда мечтавшие вернуться туда. Однако злые, жестокие русские чинили им в том всяческие препятствия и однажды даже похитили Анжель, изнасиловав ее. После этого она и лишилась памяти. Их жизнь подвергалась опасности, поэтому они ночью, под покровом темноты, бежали в чем были из города, где жили (один раз Анжель сказали его название, да разве возможно было запомнить этот варварский набор звуков?!), и долго скитались, пока не добрались до французской армии, расквартированной в русской столице. Однако бог войны оказался к ним немилостив: Москва сгорела, удача перешла на сторону врага, армия-победительница спешно отступала, вернее, бежала... и графиня д'Армонти с сыном и снохою пополнили ряды французских беженцев, рискнувших погрузиться в бесконечные российские просторы, чтобы отыскать путь во Францию — или умереть.

Сначала для Анжель это было дико: полная тьма позади, непроницаемая мгла впереди, а настоящее страшно и неопределенно. Она плакала, металась,

¹ Имеется в виду Великая французская революция 1789—1799 гг.

пытаясь обрести себя, пытаюсь понять, почему так холодно и одиноко сердцу возле двух этих самых близких для нее людей, но на этот вопрос они ответить не могли, хотя на всякий другой ответ был готов без задержки.

— Почему я так плохо говорю на родном языке, что поначалу попутчики даже с трудом меня понимали? — удивлялась Анжель, и ей поясняли, что родители Анжель, причинившие множество бед графине д'Армонти, давно умерли (это был ответ на второй ее вопрос: неужели она была одна на всем свете, пока не вышла за Фабьена?), а ее взяла на воспитание русская семья; люди невежественные, не заботившиеся о воспитании Анжель, они были рады сбыть ее, бесприданницу, с рук, когда к ней посватался Фабьен.

— Почему именно я сделалась жертвою неистовой злобы русских? — недоумевала Анжель, и маман, брезгливо поджимая губы, уведомяла, что Анжель еще в девичестве весьма несдержанно вела себя с неким русским вертопрахом, существом настолько диким и необузданным, что даже собственная мать выгнала его из дому. И вот этот разбойник соблазнил Анжель, а потом отказался жениться, возомнив, что она и без того всегда будет с радостью удовлетворять его самые низменные потребности. После того как великий Наполеон (при звуке этого имени на глаза маман набегали слезы восторга) покорила Россию, развратник отправился в армию, а воротясь, нашел Анжель замужем — и поклялся осквернить ее и отомстить всему семейству д'Армонти, что ему вполне удалось сделать!

— Смог ли Фабьен отомстить негодяю, поругавшему честь своей жены? — гневно воскликнула тогда Анжель, но тут же поняла, что вот этот-то вопрос задавать не следовало, так помрачнело лицо Фабьена, так

разъярилась маман, таким количеством упреков осыпала она Анжель.

Выходило, что она еще не расплатилась перед свекровью за обиды родительские, что она всю жизнь своей до смерти должна выказывать благодарность мужу, который женился на ней, согрешившей; она навлекла на них на всех неисчислимые бедствия — и за такую-то неблагодарную девку Фабьен еще должен был и мстить, подвергая свою жизнь опасности?

А тот чудовищный русский... он иногда мелькал в сновидениях Анжель: широкие плечи, стремительная походка, растрепанные светло-русые волосы. Но она так и не видела его лица, и только иногда проблескивала улыбка и сияли серые глаза... ласковые, ох, какие ласковые глаза!

Возможно, он был не таким уж чудовищным?.. Но зачем бы Фабьен и маман стали лгать Анжель? Она должна верить им! А снам верить нельзя. Вот ведь иногда мучает Анжель кошмарное видение: человек с отрубленной головой (вместо нее фонтаном кровь бьет из шеи) делает три деревянных шага — и выходит из глубокой тьмы на яркий, слепяще-яркий лунный свет, и воздевает руки, словно зовет кого-то на помощь, и рушится наземь — так тяжело, что в ушах Анжель гудит еще долго после того, как она просыпается от своего крика...

Но это было давно, еще в самом начале пути. Тогда Анжель боялась мертвых, да и не так уж много их валялось при дорогах; ну а потом, по мере того как свирепела зима и смелели русские казаки, их становилось все больше, и Анжель привыкла к торчащим из сугробов оледенелым конечностям. Путь становился все тяжелее, все холоднее, ночи напролет они пытались согреться, вся жизнь сделалась сплошным неизбывным кошмаром, и явь превосходила ужасом любой самый